

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY
IN THE EAST**

Issue IV
2020

Editor-in-Chief
Aleksei V. Sarabiev

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции
и редколлегии.

Научное периодическое издание
Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

«Религия и общество на Востоке»
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

Выходит раз в год

Главный редактор

САРАБЬЕВ Алексей Викторович
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич
председатель Комитета по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

КОБЗЕВ Артем Игоревич
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

НАУМКИН Виталий Вячеславович
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ОРЛОВ Владимир Викторович
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

САУТОВ Владимир Нилович
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

ФОМИН Олег Иванович
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

ШУВАЛОВ Константин Викторович
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ, или **О взаимосвязи религиозной политики и религии**

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

Александр ЯКОВЛЕВ

Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков

- 26 -

Алексей САРАБЬЕВ

Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

Григорий КОСАЧ

«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества

- 96 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке

- 127 -

Филип СТЮАРТ

Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии

- 162 -

Нафисе ВА'ЭЗ

**Влияние паломнических поездок на региональную
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В СТРАНАХ ВОСТОКА

Алексей ДРУГОВ

**Мусульманский радикализм и терроризм
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Агентурная записка 1920 года о положении в Турции

(Публикация архивного документа, предисловие
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

CONTENT

TO READERS, or
On the Relationship of Religious Politics and Religion

- 10 -

POLITICS AND THE CHURCH

Alexander YAKOVLEV

**The Crisis in Relations Between the Constantinople
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

Aleksei SARABIEV

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:
120 years ago**

- 67 -

FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

Grigory KOSACH

**Russian “Islamic” Diplomacy:
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

Igor SLEDZEVSKY

**The Struggle for True Faith:
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

Philip STEWART

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society
in Sustainable Democracy**

- 162 -

Nafise VAEZ
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

Alexey DRUGOV
Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey
Publication of an archival document, foreword and comments by
Aleksei SARABIEV

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

БОРЬБА ЗА ИСТИННУЮ ВЕРУ: РЕЛИГИОЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕРНОЙ АФРИКЕ

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-127-161

Статья посвящена изменениям в условиях и характере культурно-религиозного развития Африки южнее Сахары в XX–XXI вв.: перемещение в этот регион демографических центров основных мировых религий – христианства и ислама, повышение уровня религиозности африканцев, существенный прирост христиан в конфессиональной структуре населения, раздел к началу XXI в. конфессионального пространства региона между христианством и исламом. В качестве результирующего фактора этих изменений, способного объяснить, как сопровождающая их религиозная конкуренция (борьба за «истинную веру») может повлиять на перспективы политического и культурно-цивилизационного развития Африки и ее место в мире, выделяется религиозное самоопределение человека, группы, народа. Предмет исследования – роль христианства и ислама в самоопределении народов Черной Африки на современном этапе мирового религиозного возрождения, подъема религиозного национализма, отрицания вестернизации не-западных обществ как универсальной и сугубо светской модели общественной модернизации. Цель работы состоит в постановке проблемы новых возможностей религиозного самоопределения Черной Африки, которые открываются перед ее населением в условиях изменения конфессионального пространства региона и глобального подъема движений за религиозное возрождение (исламский фундаментализм, «Южное христианство») как движений антисекулярных, антизападных. Задачи исследования включают в себя постановку нескольких вопросов ключевых для понимания новых возможностей религиозного самоопределения

африканских народов: 1) формирование глобального пространства культурно-религиозного самоопределения человека, группы, общества; 2) исторический опыт религиозного самоопределения народов Субсахарской Африки и новые факторы религиозного выбора и борьбы за веру – религиозная мобилизация населения; 3) развитие африканской религиозной самоидентификации человека, группы, общности. На основе разработки этой проблематики сделаны выводы о происходящем религиозном повороте в культурно-цивилизационном развитии региона – быстром распространении ценностей религиозного спасения и переустройства мира на основе истинной религиозной веры, о возникающей в этом ситуации угрозе крупных религиозных конфликтов, прежде всего исламо-христианских.

Ключевые слова: ислам и христианство, постсекулярный мир, конфессиональная структура населения, религиозное самоопределение, африканский религиозный синкретизм, религиозная революция, религиозная мобилизация, афро-христианская идентичность, исламо-африканская идентичность, народы Тропической Африки.

История вопроса.

Постановка проблемы

Конфессиональное пространство Африки южнее Сахары (АЮС) отличается особой разнородностью и многообразием религиозного состава населения, насыщенностью многочисленными и изменяющимися религиозными культурами, движениями и объединениями. Социальную и культурную жизнь коренного африканца трудно представить без пестрой мозаики традиций первичных (архаических) форм религиозных верований и культов, возникающих из непосредственного поклонения природе и веры в души и духов (фетишизм, анимизм, культ предков, ведовство и чародейство). Не связанные непосредственно с верой в высшее, божественное начало эти формы верований и культов обычно причисляются к традиционным или этническим формам религии, локальным по масштабам своего распространения и полидемоническим по своей главной духовной составляющей (вера

в духов). Особый тип и уровень развития локальных религий представляет африканский политеизм – вера в иерархию местных богов, определяющих жизнь и судьбы человека, общества, природы.

Не получившие повсеместного развития в доколониальной Африке и распадающиеся под давлением христианства и ислама, политеистические верования и культы тем не менее занимают свое особое место в культурно-историческом и конфессиональном пространстве АЮС, Традиции этих верований и культов, уходящие корнями в африканские локальные цивилизации Западного Судана, района Бенинского залива, Буганды, Мадагаскара, стали одной из основ «черного национализма» и в виде синкретических культов вошли в культурное наследие африканской диаспоры в Бразилии, Гвиане, на Антильских островах, в Центральной Америке.

Культурно-конфессиональное пространство АЮС нельзя также представить вне влияния и распространения мировых религий, в первую очередь христианства и ислама, и в значительно меньших масштабах – иудаизма и индуизма. Первым этапом распространения христианства стало появление очагов восточного христианства в Эфиопии во II в. н.э. Второй этап, открывший новую эпоху в христианизации Черной Африки, начался в XVI в., получил широкий размах с XIX в. и был связан с начавшейся культурно-религиозной экспансией Западной Европы – деятельностью европейских миссионеров.

Первые мусульмане переселились с Аравийского полуострова в христианскую Абиссинию в начале VII в. н.э., а собственно культурно-религиозное распространение ислама началось в конце IX в. – первоначально на северо-востоке континента, затем в зоне Сахеля и на побережье Индийского океана. В Западной Африке интеграция общества и власти на основе ислама способствовала становлению раннефеодальной империи Мали (XIII–XV вв.), укреплению в XV–XVI вв. крупного торгового государства Сонгай, быстрой исламизации ряда народов Западного Судана.

Огромное разнообразие, сложность и подвижность профессионального пространства Черной Африки, религиозных верований и культов уже давно привлекают внимание специалистов-религиоведов. На первый план при этом выходит характерное для классического религиоведения сравнительное изучение религий в контексте социокультурной эволюции их основных форм, типов, исторических взаимосвязей, правил и законов функционирования как духовно-культурных и институциональных образований. Во второй половине XIX в. известный английский этнолог и культуролог, лидер школы эволюционизма в английской этнологии и антропологии Э. Тэйлор использовал этнографические сведения о традиционных религиях Черной Африки для создания так называемой анимистической теории происхождения религии, выделяющей в качестве первоосновы всех религий первобытные представления о душе и духовном начале человеческой деятельности. В XX в. большое влияние на западных и африканских религиоведов оказала теория прамотеизма английского религиоведа Э. Лэнга, содержащая постулат о присущей африканцам, как и всем народам мира, первоначальной вере в единого Бога, позже заслоненной формами «неправильной» веры: всевозможными суевериями, вредными, греховными обрядами и многобожием.

В середине XX в. под явным влиянием подъема африканского национализма, ослабления и распада европейских колониальных империй на первый план в трактовках мира африканских религий начал выходить поиск в обычаях, обрядах, символах, символических формах и языке этих религий рациональных духовных начал – изыскания в русле традиционной африканской философии (труды П. Темпельса, М. Гриоля, Я. Яна). Как результат этих изысканий в западном религиоведении возникла важная концептуальная идея о присутствии во всех культурах Черной Африки некоей единой религиозной основы, связанной с сакрализацией жизненных сил человека, которые, однако, не могут стать предметом однозначного религиозного поклонения.

Вторая половина XX в. отмечена культурным поворотом в изучении африканских религий и в целом духовно-религиозного мира африканцев. Лидирующие позиции в изучении религий в Африке стали переходить к самим африканцам и согласовываться с идейно-культурными позициями идеологии афро-центризма. Внимание африканских религиоведов и культурологов начало фокусироваться на содержании и формах автохтонных (традиционных) африканских религий – на характерных для них обрядах, культах, религиозно-мифологических представлениях. Во многих научно-образовательных учреждениях Африки изучение этих религий получило статус самостоятельной академической дисциплины.

«Традиционализация» африканского религиоведения явилась вполне закономерным ответом африканской интеллигенции на вставшую перед нею задачу заново осмыслить историческое прошлое Африки, ее культурное наследие, осознать истинное место и назначение Черной Африки в мире¹. Наглядным проявлением произошедшего сдвига в интерпретации культурно-исторического значения африканских традиционных религий стал решительный отказ африканских религиоведов от выработанной в западной науке терминологии отрицания истинной духовной значимости этих религий («первобытные примитивные» религии, «язычество», «идолопоклонство» и т.д.). Один из крупнейших африканских религиоведов, нигериец Б. Идову писал в 1975 г.: «Примитивных религий в строгом смысле этого слова не существует. То, что мы наблюдаем – ново и современно... Не существует и примитивных людей, ибо эти “примитивные” люди – современники тех, кто их так называет» [Idowu 1973, 128; цит. по: Традиционные... 1986, 19].

Стремление к культурному возвышению традиционных африканских религий способствовало утверждению в кругах африканских философов и религиоведов идеи изначального

---

¹ Афроцентристский поворот в изучении традиционных африканских религий получил подробное освещение в советской африканистике 80-х годов XX в. [Традиционные... 1986, 19–27].

монотеизма африканского религиозного сознания как сути африканской философии, ставящей традиционные верования и культы африканских народов в один ряд с богооткровенными мировыми религиями. Очень быстро идея африканского монотеизма превратилась в одно из наиболее значимых направлений современного африканского религиоведения и африканской теологии. Задачей этого направления, скорее идеологической, чем научной, стало сближение канонического христианства и традиционных африканских религий – по сути дела, африканизация «белого» христианства.

Однако догматизация и популяризация исконного единобожия африканских религий (в работах Б. Идову, руандийского теолога А. Кагаме, кенийца Дж. Мбити и др.) породила новые вопросы, касающиеся возможности сведения полиморфизма традиционных африканских верований, таких как вера в духов и в «низших» богов, в бессмертие предков и силу магии) к вере в единого, всемогущего и благого Бога, а также возведение в принцип «африканского видения Бога (сотворение Бога «по образу и подобию нашему»). Обозначилась и следующая теологическая проблема, неразрешимая рациональным образом: является ли Бог африканцев Богом всего Космоса или же Богом исключительно чернокожих людей? Так или иначе, но под сомнение была поставлена истинность африканского монотеизма и в целом африканской религиозной веры, в чем проявились доминирующие позиции европейского религиоведения.

Вполне закономерным ответом на попытки части африканских теологов и религиоведов рациональным образом доказать глубинное сходство африканской и христианской концепций единого Бога стало формирование альтернативной концепции уникальности африканских религий. Создатели этой концепции (и в первую очередь ученый, публицист и поэт из Уганды Окот п'Битек) подчеркивают, что не только конкретные локальные верования, но вся совокупность африканских представлений о мире и человеке заключена в живых мифах, в моральных правилах и ритуалах повседневной жизни и поэтому не могут быть вырваны

из африканской культурной среды и африканского самосознания, наделены какими-либо метафизическими качествами и, тем более, поняты с позиций европейской науки и христианской теологии. По словам О. п'Битека, «на протяжении всей долгой истории западной науки африканские религии никогда не были предметом изучения сами по себе. Африканские боги использовались как наемники в сражениях чужеземцев, ни одно из которых не велось в интересах африканских народов... Отцы христианской церкви вовсе не пытались изображать африканских богов такими, какими они были в действительности. Их главной целью было осудить, а затем изгнать “демонов”, чтобы поставить на их место христианского бога... Участь африканских божеств не стала легче, когда они попали в руки философов, поднявших на щит “благородного дикаря”... Если руководители африканских государств искренне считают, что консолидация общества в Африке должна основываться на самобытном мировоззрении африканцев, то необходимо стремиться к выявлению такого мировоззрения» [Окот п'Битек 1979, 92–93, 100].

Но культурный поворот в африканском религиоведении стимулировал развитие и собственно научного, проблемно-тематического поля религиоведческих исследований. На первый план в этом поле выдвинулась проблематика сближения и соединения на синкретической основе традиционных африканских и мировых религий. Тема африканского религиозного синкретизма – становление и развитие множества синкретических религий в Африке в XIX – XX вв. на глазах у европейских исследователей – стала самостоятельным и ведущим направлением собственно научных исследований африканской религиозной проблематики. Важнейшее значение для развития данного направления имело, с одной стороны, стремительное распространение в XIX–XX вв. в странах АЮС христианства и ислама и, с другой – самобытное развитие африканского религиозного синкретизма в лице самостоятельных и сильно отличающихся друг от друга народных религий – афро-христианских сект и независимых церквей, афро-католицизма и африканского евангелизма, народного

ислама в Эфиопии, Сомали, странах Восточной, Западной и Центральной Африки. Прежний основной вопрос африканского религиоведения, какие из африканских религий надо считать автохтонными, традиционными, а какие – местными формами мировых религий, отошел на второй план. Вперед вышла проблематика взаимной адаптации в синкретических формах традиционных и мировых религий, разнообразия этих форм и связи их с мировыми религиозно-политическими процессами и интересами, оценкой роли африканских синкретических религий и связанных с ними движений в национально-освободительной борьбе африканских народов и во внутренней политике молодых государств региона.

Изучение развития африканского религиозного синкретизма значительно усложнило к концу XX в. научные представления о движущих силах и условиях культурно-религиозного развития Африки. Сохранилось характерное для классического религиоведения представление о сосуществовании в Черной Африке стадильно различных форм религиозного и секулярного сознания как закономерной особенности колониальных и постколониальных обществ. Однако характерный для классического эволюционизма линейно-стадийный принцип исторического развития постепенно утратил значение всеобъемлющей объяснительной модели культурно-исторических процессов.

Объяснение и понимание современного африканского развития теперь все более вписываются в многомерную картину взаимодействия исторической преемственности и изменений африканских обществ, взаимосвязи и взаимозависимости различных пластов культуры, культурного и религиозного опыта африканских народов. Не менее важное значение начинает придаваться разнообразию культурных и религиозных традиций Африки как составной части африканской современности, а также духовно-нравственному и культурно-ценностному выбору, который люди делают в условиях распада социокультурного порядка, нарастания конфликтной (деструктивной) динамики

социального развития. Трансформация религиозного сознания приобретает в этих условиях значение политических, культурных, цивилизационных проектов, ориентированных на идеалы «истинной веры» и конкурирующих за обладание «высшей» истиной.

Огромное разнообразие африканских религиозных направлений и течений, их широкая и подвижная синкретическая основа тесно связаны с восприятием и усвоением богооткровенных истин мировых религий. И разнообразие, и сам синкретизм становятся открытым ресурсом, социальным и культурным потенциалом выбора альтернатив и вариантов общественного развития, изменения жизни людей и общества через осознание несовпадения, разрыва между высшим и мирским порядками. Остается открытым вопрос о степени востребованности и уровне мобилизации этого ресурса в конкретных условиях и ситуациях существования человека, группы, общества. Актуальность, научную и практическую значимость этому вопросу придают глубокие и быстрые трансформации, которые произошли в религиозной жизни и религиозно-конфессиональном пространстве Черной Африки за последние десятилетия.

К важнейшим из этих изменений, имеющим как региональное, так и глобальное значение в контексте мировых конфессиональных трансформаций, надо отнести перемещение в Черную Африку демографических центров главных мировых религий – христианства и ислама, существенный прирост христиан в населении африканских стран, в частности, образование в различных частях региона устойчивых центров распространения протестантизма (Нигерия, Кения, ЮАР). Благодаря сохраняющейся высокой динамике роста населения в Тропической Африке (по сравнению с другими регионами развивающегося мира), повышается доля африканцев в глобальной структуре крупнейших конфессий мира. Перемещение демографических центров христианства и ислама в регион АЮС позволяет африканским христианским и мусульманским общинам наращивать свое влияние в глобальном конфессиональном пространстве. Особое

значение при этом приобретает геокультурное смещение центров мирового христианства из стран «глобального Севера» в страны «глобального Юга», что ослабляет или даже разрушает сложившуюся за многие века европейскую локализацию центров этой мировой религии.

Новое геокультурное и цивилизационное значение в этой связи приобретает и конфессиональное разнообразие Черной Африки. В начале XX в. мозаичность конфессионального пространства региона определялась ярко выраженным доминированием автохтонных религий, тогда как мировые религии – ислам и христианство как особые конфессиональные направления – были представлены исключительно локальными очагами самобытного христианско-африканского и исламо-африканского синкретизма: в Эфиопии, Сомали, в приморских районах Кении, низовьях р. Конго, на Мадагаскаре, в Намибии, на островах Зеленого Мыса – христианство, на современных территориях Северной и Центральной Нигерии, Мали, Нигера, Камеруна, Чада – ислам [Саватеев 2006, 385–514; Традиционные... 1986, 83–98]. В современном конфессиональном пространстве региона адепты этнических религий уже не занимают доминирующих позиций (12,3% населения региона, по данным 2010 г.), уступив лидерство приверженцам христианства и ислама (57,2% христиан и 29,6% мусульман)¹. Пестрая мозаика локальных (этнических) религий уступает место разделению конфессионального пространства Тропической Африки на зоны доминирования христианства и ислама и «буферную зону» со сложным религиозным составом населения (Буркина

---

¹ Количественные показатели перераспределения в регионе адептов этнических религий, христианства и ислама подробно рассчитаны и представлены в российской конфессиональной географии, прежде всего в работах С.А. Горохова. Для расчета географических центров основных конфессий в Тропической Африке он использовал специальную международную программу определения постоянных «опорных точек» этих религий и изменения траекторий их распространения в пространстве региона за последние 100 лет на основе материалов переписей населения стран Тропической Африки и исследований конфессиональной структуры населения мира [Горохов 2016; Горохов, Захаров 2017].

Фасо, Кот-д'Ивуар, Сьерра-Леоне, Бенин, Гана, Нигерия, Камерун, Того, Чад, ЦАР, Эфиопия, Мозамбик, Танзания).

Культурно-историческое значение этих сдвигов в регионе усиливается повышением уровня религиозности – распространением догматов христианства и ислама (при сохранении элементов традиционных верований), и религиозной мобилизации населения в рамках харизматических движений и сект, превращением религиозных идей и догматов христианства и ислама в ключевые жизненные смыслы, духовные ценности и модели поведения широких африканских масс [Андреева 2016; Горохов 2016; Саватеев 2016]. Подъем христианской набожности в Тропической Африке определенно вписывается в этот глобальный тренд «де-европеизации» христианства (термин Л.А. Андреевой) и приобретает важное значение в контексте будущего мировых религий, соотношения тенденций секуляризации и десекуляризации мирового сообщества.

Масштабы, объем и динамизм религиозных перемен в станах АЮС уже давно привлекают внимание африканской общественной и научной мысли. Начало в последней трети XX в. тяжелого по своим масштабам и проявлениям Африканского кризиса (падение экономик, масштабные гражданские войны и кампании геноцида, распад ряда государств) дало толчок активизации и прямому вмешательству в социально-политические процессы африканских церковных кругов, африканских богословов, лидеров и активистов исламистских и афро-христианских движений. Одновременно, изучение африканских религий поднялось до уровня нового междисциплинарного научного направления, включающего в себя такие гибридные специальности, как конфессиональная география, политология, социология и психология религий, религиозная антропология. В рамках этого направления выделяются и анализируются процессы «религизации» развития африканских постколониальных обществ [Dozon 1995; Laburthe-Tolra 1996; Mbembe 1988; Ranger 1986; Religion et modernite... 1993; Religion et transition... 1998]. Предметом научных исследований и дискуссий становятся

вопросы тесного переплетения религии, политики и экономики: расширяющейся религиозной интерпретации политики африканских государств, превращения сферы политической и экономической власти в новое религиозно-культурное пространство (культы правителей, ведущих политиков и бизнесменов), религиозная легитимация властных отношений, социальное и этическое значение теологической мысли (теологических проектов) современной Африки.

На фоне кризиса и распада заимствованной в XX в. молодыми африканскими государствами модели догоняющей модернизации, ориентированной на секулярные ценности, проекты и инструменты евро-американской цивилизации, встает и более общий, доктринальный по своей сути вопрос. Он касается возможностей придания африканскому развитию духовно-религиозного импульса в виде автономной по отношению к традиционным общинно-родовым связям и формам авторитарного правления действенной, рациональной и ответственной этики социального поведения.

В российской африканистике проблема религиозного поворота в африканском развитии определена и в широком междисциплинарном контексте (религия и политика, религиозно-культурные инновации и участие Африки в процессах глобализации, религиозные морально-этические доктрины и экономическое развитие) поставлена в работах известного российского историка и африканиста В.С. Мирзеханова [Мирзеханов 2001; Мирзеханов 2015]. Он пишет о наблюдаемой в современной Черной Африке «многоликой религиозной революции», позволяющей ей оставаться «мировым континентом», и главной роли в этой революции «народных движений, идей и вероисповеданий, распространенных в Субсахарской Африке и продолжающих вписывать ее в логику “глобализации”, несмотря на жалкие экономические достижения» [Мирзеханов 2001, 224, 226].

Трудно не признать слишком общим такое определение религиозной революции в Африке. Но в нем просматривается традиционная для африканского религиоведения проблема соотношения единства и многообразия, общего и особенного

в культурно-религиозном развитии Черной Африки. В рамках классического эволюционного подхода эта проблема в значительной степени решалась путем выстраивания стадильной иерархии различных типов верований и культов, противопоставления религии в целом общественным и экономическим преобразованиям. Само по себе разнообразие «народных движений, идей и вероисповеданий» не может служить критерием и убедительным доказательством революционного, переломного характера изменений в конфессиональной структуре и религиозной жизни населения региона. Сложно однозначно характеризовать эти движения, культы, вероисповедания как революционные или хотя бы содержащие в себе потенциал переломных духовных изменений, не выделяя то определенное, качественное изменение в установках, ориентирах, ценностях массового религиозного сознания, которое скачкообразно повышает значение африканской религиозности, дает ей выход к высотам политической и интеллектуальной жизни. На наш взгляд, такой составляющей религиозного сознания в Африке выступает острая и нарастающая потребность чернокожего человека в открытом, демонстративном, жизненно и социально мобилизирующем культурно-религиозном самоопределении, которое позволило бы африканцу утвердиться в нестабильном и несправедливом мире, самостоятельно и самобытно реализовывать себя в качестве субъекта, а не объекта борьбы за политическое и экономическое пространство Африки.

Предмет данного исследования – роль христианства и ислама в самоопределении народов Черной Африки на современном этапе отрицания вестернизации не-западных обществ как универсальной и сугубо светской модели общественной модернизации, подъема религиозного национализма как процесса и результата упадка национализма светского, экспансии и конкуренции в этих условиях традиционных мировых религий и новых религиозных движений. Под культурным самоопределением понимается определение человеком, группой, обществом своего места в поликультурном, поликонфессиональном пространстве, осуществляемое

в процессе культурной самоидентификации человека и коллектива на основе выбора тех или иных ценностей и идеалов человеческого бытия и утверждения их в качестве общего достояния, наследия людей в этнических, национальных и цивилизационных рамках. Цель работы состоит в постановке проблемы новых возможностей культурного самоопределения Африки, которые открываются перед современными поколениями африканцев в условиях изменения конфессионального пространства региона и глобального подъема движений за религиозное возрождение (исламский фундаментализм, «Южное христианство») как движений антисекулярных, антизападных.

Для достижения поставленной цели необходимо выявить основные факторы и процессы наполнения культурного самоопределения религиозным содержанием – выбора того или иного конфессионального направления, ценностей и догматов религиозного вероучения как цели и пути утверждения священных основ организации общества в противовес проявлениям социального распада, морального релятивизма, обмирщения духовных ценностей. К задачам исследования относится анализ следующих факторов усиления роли религиозного самоопределения Африки: 1) формирование глобального пространства культурно-религиозного самоопределения человека, группы, общества; 2) исторический опыт религиозного самоопределения народов Субсахарской Африки и новые условия религиозного выбора и борьбы за веру – религиозная мобилизация населения; 3) развитие африканской религиозной самоидентификации человека, группы, общности.

В контексте этих задач конкретизируется значение понятия религиозной революции. Под религиозной революцией мы понимаем кардинальные изменения в религиозной жизни, в религиозных ориентациях, институтах и принципах социальной организации общества, которые возникают в условиях роста внутри-общественных разногласий, разрывов между должным и сущим и возникающих на этой основе социальных расколов, реализуются в ширящемся

культурно-религиозном самоопределении человека, группы, сообщества в процессе появления новых духовных лидеров, развития мессианских, пророческих и реформационных движений, конкуренции старых и новых вероучений и культов (в борьбе за истинную веру) и получают выражение в возникновении новых религий и вероучений или реформации традиционных верований, в разделении или, наоборот, сближении религиозной и секулярной сфер общественной жизни.

Борьба за веру в новом мировом пространстве религиозного самоопределения

Падение СССР и распад мировой социалистической системы дали толчок распространению возникшей еще в XIX веке универсалистской идеологии всемирного господства западной (евро-американской) цивилизации как играющей ведущую роль в формировании мирового сообщества и мировой культуры современности. Сторонники этой идеологии восприняли как само собой разумеющееся вступление человечества в эпоху глобализации, связывая этот исторический поворот (или «конец истории») со всеобщей, как им казалось в 1990-е годы, победой во всем мире секулярных идеалов и принципов либеральной демократии. В качестве подтверждения глобального утверждения западных норм и ценностей рассматривалось распространение по всему миру массовой культуры западного типа: проникновение, по выражению американского социолога П.Л. Бергера, присущих этой культуре моделей поведения и сознания «в широкие слои населения во всем мире» [Бергер 2004, 14, 19].

Однако уже в конце XX в. универсалистские претензии западной цивилизации столкнулись с серьезными препятствиями и ограничениями, поставившими под сомнение саму возможность безальтернативного господства западных норм и ценностей во всем мире. Главным и достаточно очевидным основанием для таких сомнений стало возрождение мировых религий, прежде всего христианства и ислама, в качестве основы человеческого и общественного бытия. К началу XXI в. христианство и ислам не только увеличили число

своих адептов в мире (особенно в Африке и Юго-Восточной Азии), но и сформировали влиятельные центры самостоятельного цивилизационного влияния и развития, религиозного самоопределения человека и общества.

Новые условия и возможности религиозного самоопределения не-западных обществ по отношению к универсалистским претензиям западной секулярной культуры создают ряд факторов: во-первых, усиление религиозного сознания цельного, всеохватывающего типа, ориентированного на высшие духовные ценности и предполагающего мотивацию этими ценностями социального поведения человека; во-вторых, подъем в этой связи фундаменталистских и традиционалистских религиозно-политических и религиозно-культурных движений, выступающих за решительный отказ от светских ценностей, обновление общества не на основе этих ценностей, а путем возвращения к священным религиозным догматам; в-третьих, легитимация распространения религии в обществе на основе личного выбора человека, его самоотождествление с религиозными группами и движениями как идеальными формами стабильного и справедливого общества, морально-этическими ориентирами, позволяющими справиться с хаосом глобальной культурной конвергенции, аморфностью и чужеродностью глобализующегося мира. Некоторые мировые религии (прежде всего ислам) превращаются, по определению П.П. Яковлева, в «средство противостояния глобализационным процессам и в инструмент сильного воздействия на сферу межгосударственных отношений» [Яковлев 2010, 19–42].

Главным в современной религиозной ситуации, считает Е.А. Степанова, является то, что и новые, и традиционные виды религиозности сосуществуют в общем плюралистическом пространстве, которое по своей природе делает бессмысленным какое-либо принуждение в выборе религиозных предпочтений. А это означает, что вера становится делом личности, самоопределения человека, а не институции [Степанова 2012, 41]. Феномен религиозного возрождения во всем мире, как отмечал С. Хантингтон, «это реакция

на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того – утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и солидарности» [Хантингтон 2003, 144].

Десекуляризацию мира и мировоззренческие составляющие этого процесса – религиозно-фундаменталистский и религиозно-традиционалистский типы мышления и поведения – в этих условиях надо рассматривать как особую, зачастую радикальную по своим психологическим и идеологическим установкам, реакцию на кризисные явления глобального развития, крайности и социальные издержки узко рационального и технологического подхода к проблемам человеческого существования и трудностям сохранения собственной идентичности в современном мире. Общим знаменателем традиционалистских и фундаменталистских религиозных течений и движений (за исключением христианских неопротестантских движений) становится отторжение Запада как воплощения «низкой» культуры релятивизма (неверия), эгоизма и потребительства. Проектам приспособления к глобализующемуся миру, его запросам и возможностям противопоставляются утопии (утопические проекты) решительного и скорого возвращения всего человечества к изначальной чистоте и богодухновенности религиозных (сакральных) первооснов человеческого существования.

Таким образом, возникает поле межцивилизационной напряженности, в котором соперничают и все более вступают в открытый конфликт противоположные типы мировоззрений, идеалов и систем ценностей. Борьба за истинную веру как социальный конфликт возникает в результате создания образа врага в лице противостоящих своему обществу и государству, выросших в недрах иной цивилизации. Этот конфликт – составная часть глобального перехода в современном мировом развитии.

Религиозное самоопределение африканских народов: исторический опыт и современные возможности

Религиозное самоопределение народов Черной Африки выделяется не только разнообразием форм, средств и целей, но и отчетливо выраженной исторической динамикой, которую надо учитывать, рассматривая роль христианства и ислама в современном развитии региона.

До установления европейского колониального господства религии в Тропической и Южной Африке были в основном составной частью, органическим результатом развития тех обществ локального, этнического уровня, в которых они возникали и изменялись на протяжении длительного исторического времени. При этом не исключалось и распространение некоторых форм религиозных верований и культов «сверху», в противовес религиозным традициям рядового населения. Такую возможность утверждения своего господства и влияния давали прежде всего христианство и ислам: средство духовного принуждения – африканским правителям, освящение мирской деятельности – привилегированной торговой верхушке. Вместе с тем именно ислам и христианство в истории региона вышли на первый план в религиозном самоопределении африканских народов, заложили его культурно-историческую основу – опыт религиозной веры и служения Богу [Религиозный опыт... 2012, 95–96, 113–116, 163, 254–255].

Важнейшим стимулом к личному и жизненному самоопределению в направлении ценностей и догматов мировых религий при этом выступал главный принцип, ключевой ценностный ориентир, который утверждают в духовной жизни и выборе человека эти религии: духовное спасение как предельно желательное человеческое состояние, связанное с избавлением от зла, страдания и смерти. Это давало мощный толчок таким способам и путям религиозного самоопределения, как появление множества христианских сект и исламских духовных орденов (сепаратные пути спасения), развитие религиозного ритуализма (личная связь с сакральными смыслами и отношениями), усвоение определенных

поведенческих правил и запретов как морально-этических предпосылок спасения. Важное значение имели также культурные, идеологические и организационные составляющие религиозного самоопределения: «африканизация» христианства в качестве понятного и доступного пути противостояния ненавистному колониализму и расизму белых людей, вера в харизматических лидеров, пророков, ожидаемых правителей, реформирующих, обновляющих вероучение как способ консолидации афро-христианских и афро-исламских общин. Возникший при этом религиозно-культурный синкретизм становился формой отторжения образов и символов религиозного господства европейцев в афро-христианстве, основанием и культурно-историческим ресурсом сохранения традиций и результатов религиозного самоопределения.

На примере истории распространения христианства на Мадагаскаре известным российским африканистом, философом, культурологом А.Н. Мосейко показано, что существенными чертами африканского опыта религиозного самоопределения являются такие его культурные качества, как креативность и динамика, способность к саморазвитию, творческому восприятию инноваций, обновлению в условиях острых социальных кризисов (работоторговля, европейская колониальная агрессия) [Мосейко 2018, 177].

Вместе с тем необходимо признать неоднозначность тенденций и результатов самоопределения африканских синкретических религий и, прежде всего, афро-христианства как самостоятельного конфессионального направления универсального христианства. Распространение афро-христианства и основанных на нем религиозных общностей – амбивалентный процесс, развитие которого может иметь и восходящую, и нисходящую траектории по отношению к универсальному христианству. Восходящий аспект – последовательное освоение универсального учения (акцент на пропедевтике и адаптации христианских догматов, а не на их усечении и размывании). Нисходящий аспект – соединение с христианским Богочеловеком образов небесного духа и духов природных стихий, духов мест, культурных героев, иными словами,

смешение разных по своему происхождению и духовному смыслу сакральных образов.

О культурно-исторической динамике религиозного самоопределения народов Тропической и Южной Африки говорит прежде эволюция африканского культурно-религиозного синкретизма как основания различных форм реализации религиозного самоопределения. На ранней стадии этого развития осознание духовной значимости принципа и ценности спасения определялось в первую очередь желанием найти в христианских заповедях, в чудесах местных христианских и мусульманских святых социальный и культурный противовес расовому доминированию белых людей. Иначе говоря, осознание пути спасения имело ясно выраженную протестную основу. Вступление в синкретическую христианскую секту или мусульманский тарикат давало возможность консолидировать и открыто выразить протест чернокожих людей против отношения к себе как к рабам или к бесправному большинству населения европейских колоний в Африке, продемонстрировать стремление сохранить свою независимость, культурные традиции и обычаи. Однако по мере того, как национально-освободительная борьба в африканских странах приобретала организованную политическую форму, деятельность синкретических сект и движений все больше связывалась с приближением их участников к истинному – единому Богу, т.е. с собственно духовной деятельностью. Большое, а ряде случаев и определяющее значение имело при этом накопление членами таких сект и движений живого опыта сопричастности запредельному миру духовных ценностей и идеалов и развитие специальных культовых практик психологической стимуляции подобного опыта [Мосейко 2018, 17].

Таким образом, идущие уже не одно столетие процессы религиозного самоопределения африканских народов соотносят, организуют самые разные пласты традиционных африканских культур – от древнейших, отражающих «со-природное» существование человека, до близких культурам «осевого времени», выдвигающим на первый план

проблематику спасения – изменения человеческой личности и ее поведения в соответствии с принципами высшего морального и ценностного порядка. В этом контексте представляется довольно узким и догматическим взгляд на традиционный африканский социум как на исключительно «со-природное», «застывшее» в своих локальных, «до-осевых» характеристиках культурно-цивилизационное образование. Судьба и роль африканских религий имеют значительно более широкий культурно-цивилизационный контекст, ключевым смыслом которого становится вопрос о культурно-религиозном самоопределении Африки.

В условиях тяжелых и продолжительных потрясений, с которыми огромные массы африканцев столкнулись в конце XX в. – в обстановке подъема неконтролируемого насилия, нищеты, падения традиционной морали и этики, религиозное самоопределение местного населения начало приобретать более организованный и социально ориентированный характер, приближенный к задачам единения, сплочения людей, групп, народов на основе общих религиозных ценностей и правил поведения. Характерным и во многом переломным по своему социальному и политическому значению сдвигом в этом направлении стала религиозная мобилизация масс. Определяемая как объединение верующих какого-либо конфессионального объединения или движения ради достижения общей цели, религиозная мобилизация – сравнительно новый и динамичный феномен жизни Тропической Африки. Это многоликое по конфессиональному составу явление.

Помимо радикального (прозелитского) ислама, мобилизацию верующих практикуют широко распространившиеся на континенте движения пятидесятников, общины баптистов, методистов, пресвитерианцев, сектантские афрохристианские мессианские и пророческие церкви. Религиозная мобилизация затрагивает также широкие массы католиков, в частности, в Конго (Заире), Того, Кот-д'Ивуаре, Камеруне. Вероисповедание и исполнение обрядов у африканских католиков, по внутреннему смыслу, приобретает сходство с протестантской, духовно-мобилизационной

моделью (постоянное чтение Библии, подлинность веры, сосредоточенность внимания на молитве, деятельное участие мирян в управлении религиозной общиной) [Labourthe-Tolra 1996, 30–39].

Сдвиг в пользу массовой религиозной мобилизации населения произошел на рубеже 80–90-х годов, когда Африканский кризис достиг максимальной остроты и в короткие сроки оказал огромное влияние на разные конфессии, особенно в крупных городских агломерациях. Предпосылками религиозной мобилизации стали объединение верующих вокруг харизматических духовных лидеров и общин избранных, отказ от компромиссов с властью, проповеди пророческого и мессианского типа. Обновленческие движения – от исламских орденов реформаторского типа до общин пятидесятников – продолжают брать на себя – решительно и бескомпромиссно – функции социализации индивида и его социальной защиты, играют растущую роль в социальной интеграции общества [Андреева 2016, 70–72; Горохов 2016, 126–127; Горохов, Захаров 2017, 101–109].

Основной, первичной целью религиозной мобилизации выступает достижение глубоких изменений в сознании и жизни человека, но главное – изменение отношения к действительности, формирование этики ответственности и активных солидарных действий. Важнейшими сферами их практического приложения становятся экономика и политика. Проповедническая и культовая активность религиозных общин, мусульманских орденов, независимых афро-христианских церквей часто сочетается с предпринимательской деятельностью, а в эту деятельность вносятся начала религиозного, «истинного» этоса. Религиозно-обновленческие идеи не только привносятся в политические дискуссии, но обычно трансформируются в призывы к политическому переустройству общества, в проекты, программы и планы такого переустройства. Дальше всего в этом отношении идет радикальный политический ислам, который не скрывает свою основную цель – изменить уже в скором времени политический строй африканских стран.

Формы религиозной мобилизации в странах Тропической Африки сближает и очевидный глобальный контекст: они тесно связаны с религиозными обновленческими движениями на других континентах, «встроены» в глобальную «десекуляризацию мира». Усиление влияния ислама нельзя представить вне организованного подъема исламского фундаментализма и политического ислама в арабских странах. Распространение протестантизма тесно связано с направленным расширением мировой аудитории евангельских церквей, пророческих движений и сект в христианстве.

Для понимания тесной связи религиозной мобилизации населения и религиозного самоопределения африканских масс в условиях социальной и политической нестабильности, массовой нищеты и политических потрясений важное значение имеет трансформация христианских и исламских общин в организованные программно-целевые группы, привлекающие людские и материальные ресурсы для форсированного достижения своих целей. Примером подобных модификаций религиозных общин может служить возникновение на Мадагаскаре – в рамках синкретических форм афро-христианства – групп (очагов) «нового евангелизма», проповедующих идеи спасения от бедности и болезней путем бунта против них и пропаганды стремления к «процветанию» [Мосейко 2018, 98–103]. Весьма показательны также основные направления религиозной мобилизации мусульманского населения, осуществляемые под исламистскими лозунгами и влияющие на активное религиозно-политическое самоопределение сторонников исламизма, особенно среди молодежи: салафизм – возвращение к истокам ислама, интегрализм – объединение всех сфер жизни общества и государства на основе законов шариата, теократизм – требование восстановления верховной власти слугителей Аллаха.

Религиозная составляющая самоопределения африканцев

Соединение религиозного самоопределения с солидарными действиями по форсированному достижению целей религиозных движений и организаций неизбежно расширяет понимание человеком своей общности с людьми той же веры, того же типа религиозного поведения, способствует включенности верующего в подобную общность. В этом контексте возникает и приобретает научную и практическую значимость вопрос о влиянии религиозного самоопределения африканцев и их борьбы за веру на развитие африканской идентичности. Однако получить хотя бы общее представление об уровне осознания верующими своей религиозной принадлежности, целостности и завершенности религиозного самоопределения человека невозможно без анализа того, с какой целью и с какими результатами для этих общностей осознается и используется духовная власть – ради возвышения своей этноконфессиональной, культурно-расовой, культурно-профессиональной общности или же прежде всего во имя утверждения высшей, житнетворной и освободительной миссии веры в истинного, всемогущего и благого Бога.

Для африканского религиозного сознания, долгое время выработывавшего свои ценности и идеалы в условиях исторической привязанности человека к своей локально-общинной, этнической или родовой группе и противостояния культурно-расовому господству европейцев, эта проблема особенно актуальна. Концептуально-теоретический подход к ее решению дает изучение формирования религиозной идентичности как соотнесения, самоопределения – себя, своего общества, народа с высокими образцами духовности, с одной стороны, и с действительным состоянием межкультурных, междивизиционных отношений, которые выпали на долю этих обществ и народов, с другой [Ляушева, Нагой 2009, 195–198].

Афро-христианская идентичность обнаруживает в себе два направления культурно-религиозного самоопределения, различных по заложенному в них потенциалу

самоопределения и интеграции афро-христианской общности.

Первое направление получило широкое развитие в эпоху формирования европейской колониальной системы в ответ на сформированную этой системой универсальную модель культурно-расового превосходства белого человека над африканским негром. Смыслом этого направления стало превращение христианской идентичности как дозволенной формы духовного пробуждения и самоорганизации поработенной негритянской расы в универсальное средство возвышения чернокожих людей с целью противостояния официальной церкви и культуре белых колонизаторов (так называемый «черный национализм»). В контексте процессов универсализации афрохристианской идентичности большой интерес представляют взаимосвязи, взаимовлияние форм ее развития на Африканском континенте – в Южной Африке и бассейне р. Конго, и в одном из главных центров формирования африканской диаспоры в Новом Свете – в США.

В первом случае быстро сформировались независимые афро-христианские церкви, оформилась «народная» теология, носителями которой стали харизматические религиозные лидеры – свои «пророки», «апостолы», своего рода «месии», что придало «народной» теологии мессианские черты и сделало ее важным элементом общественно-политической жизни [Taylor 1961, 52].

В свою очередь, афрохристианское самосознание в США складывалось в форме «черной теологии» и одного из главных ее направлений – «теологии освобождения». Возникший под влиянием идей «черной теологии» лозунг «Власть черным!» ознаменовал начало нового этапа борьбы негритянского населения США после принятия в 1960-е годы законов, формально предоставивших афроамериканцам гражданские права [Gifford 1998, 60–69]. В конце XX и в XXI веке далеко не всех чернокожих в США можно назвать жертвами расизма. Многие из них получили образование и сделали карьеру, афроамериканцы успешно занимаются бизнесом. И тем не менее, «теология освобождения» в США продолжает

существовать как ответ и выражение глубочайшей исторически развивавшейся социально-психологической травмы, которую испытывали многие поколения афроамериканцев, как одно из главных направлений религиозного самоопределения чернокожего населения.

Становление афро-христианского самосознания, формирование его эмоционально-протестного и одновременно мифологизированного характера обнаруживало сходство в обоих случаях. Обладая мифологическим мышлением, африканцы и афроамериканцы не могли принять христианство не мифологизируя его, не наполняя его своим содержанием – субстанциальными смыслами, символическими образами и ритуальными традициями. Таким образом, важнейшим культурно-историческим, традиционным средством объединения африканцев и афроамериканцев в христианские общности в процессе религиозного самоопределения был и остается афро-христианский синкретизм.

Второе направление афро-христианской самоидентификации начало проявлять себя активно на уровне массового сознания в последние 20–25 лет в связи с перемещением глобального центра христианства из стран «глобального Севера» в страны «глобального Юга» и под влиянием роста миграционных потоков «южных христиан» из стран Тропической Африки в страны Европы. При всей незавершенности формирования этого нового трансграничного направления религиозной самоидентификации, в присущих ему ценностных установках проявляется значительно большее, если не сказать более качественное, отделение высшего духовного начала сплочения верующих от культурно-расовых (протестных) мотиваций традиционного афро-христианства. На первый план выдвигается осознание ценностей афро-христианства как подлинно религиозных, в отличие от предлагаемого европейским миром секуляризованного европейского христианства, приспособляющего высшие ценности и божественную истину вероучения к мирским интересам и жизненным устремлениям человека. Нарастающая волна перемещения в Европу христиан-африканцев напрямую

сталкивает европейские и африканские представления о ценностях и идеалах социального порядка и порядка мирового – сталкивает настолько жестко и очевидно, что на первый план в утверждении африканской религиозной идентичности начинает выходить восприятие западного секуляризма как воплощения анти-веры, абсолютного зла.

На фоне отрицания ценностей западного секуляризма набирает силу тенденция осмысления Африки как богоизбранного континента, которому предстоит миссия новой евангелизации стран «северного» христианства.

Сдвиг в восприятии собственной религиозности как подлинно христианской позволяет сделать вывод о том, что самосознание африканских христиан приобретает черты цивилизационной идентичности, выходя за рамки старого, «черного национализма». На это указывают такие особенности афро-христианской веры, как осознание невозможности добиться подлинного спасения на основе ценностных ориентаций западного секуляризованного христианства, представление о том, что основным догматом христианского вероучения о конечных судьбах мира и человека является неизбежность второго пришествия Христа, убежденность в том, что именно африканские христианские церкви и движения способны наилучшим образом объединить и организовать всеобщий порядок бытия. В этой новой направленности афро-христианского самосознания нельзя не видеть признаков духовного переворота в осознании единого Бога как воплощения высшей истины бытия и абсолютного блага.

Аналогичный процесс усиления универсалистских мотивов, ценностей и установок религиозного самосознания характерен и для идентичности множества африканских мусульман. В историческом опыте мусульманских общностей Африки эта тенденция связана с распространением суфийских духовных орденов (тарикатов). Суфизм предложил африканцам не только путь к духовному спасению, чего не могли дать африканские этнические религии, но и новый, универсалистский тип социальных связей, основанных на этике братства и взаимной социальной поддержки

внутри уммы, что обеспечило возникновение собственно конфессиональных общин с ярко выраженными функциями социально-экономической интеграции надлокального уровня [Саватеев 2006, 99–107]. Принятие ислама позволило верхушке местных обществ укрепить свое политическое положение; распространение элементов исламской цивилизации отвечало как внутренним потребностям местных обществ, так и потребностям развития их внешних контактов.

В XX в. усилению универсалистских начал и тенденций развития исламского религиозного самосознания способствовало начавшееся в 40–50-х годах проникновение в Черную Африку идей исламского фундаментализма, сторонники которого выдвинули требование возврата к первоначальным принципам ислама, очищения его от позднейших культурных наслоений, прежде всего африканских. Созданный в 1953 г. Мусульманский культурный союз в качестве одной из главных своих задач выдвинул борьбу с культурным засильем Запада, взяв курс – в виде разнообразных культурных проектов – на распространение универсалистских принципов и ценностей ислама [Саватеев 2006, 208–212]. В конце XX века влияние исламского фундаментализма еще более усилилось в результате обострения в африканских странах социально-экономического и политического кризиса, развития мировых информационных и социальных сетей.

Помимо объективных условий и факторов, усиление универсалистской составляющей африканской религиозной идентичности вызвано появлением значительного числа лидеров профетических (харизматических) общин, которые обладают выдающимися способностями в понимании духовных и социальных потребностей развития африканского общества, выдвигая духовно-религиозные идеи в качестве абсолютов, скрепляющих его структуру. В то же время, превращаясь в основу или важный фактор религиозного самоопределения, конкурирующие харизматические культы во многом сдерживают развитие всеобщих социокультурных связей, выходящих за рамки харизматических сект, общин,

групп. Эти группы обычно немногочисленны, приверженность их культу лидера усиливает ощущение собственной религиозной исключительности и часто приводит к изоляционизму и фанатизму.

Трансформация религиозной идентичности адептов христианства и ислама в Африке позволяет сделать вывод о революционном повороте в африканском самосознании, вызванным распространением универсалистских ценностей религиозного спасения и переустройства мира. Вырисовывается альтернативность идеальных путей возрождения Африки: либо вестернизация (европеизация), либо девестернизация африканского социокультурного пространства, влечение к Западу или отталкивание от Запада в качестве «жизненного проекта» будущего. Этот вывод требует дальнейшего обоснования и проверки, прежде всего в плане подтверждения фактов превращения религиозных идентичностей в идентичности культурно-цивилизационного уровня.

Необходимость верификации вывода обусловлена сохраняющейся тенденцией к ограничению пределов распространения независимых христианских церквей и мусульманских суфийских орденов, границами расселения отдельных этнических групп, а также отсутствием в выдвигаемых африканскими правящими кругами проектах социально-экономического развития региона признания значимости религиозного фактора. Необходимо также учитывать проявившуюся в последнее время тенденцию к вырождению исламских фундаменталистских движений и течений в регионе в открыто террористические, криминальные группировки, притом, что подлинный коранический ислам не имеет отношения к террору. Например, исламистская группировка «Бoko Харам» в Нигерии провозгласила своей целью создание чисто исламского шариатского государства и превращение Нигерии в религиозную державу, но к настоящему времени деятельность группировки, судя по всему, свелась к террору и массовым убийствам мирных граждан.

Заключение

Анализ изменений в религиозной сфере стран АЮС позволяет сделать вывод о нарастающей роли в жизни этих обществ, в существовании сотен миллионов африканцев процессов религиозного самоопределения в условиях активного распространения в последнее столетие в Тропической Африке христианства и ислама и повышения на основе христианского и исламского вероучений уровня религиозности основной массы населения. Налицо ключевые предпосылки и проявления данного процесса: тенденции десекуляризации мирового сообщества и кризиса основанного на принципах и ценностях европейского секуляризма мирового порядка; эволюция принципов и ценностей африканских синкретических религий в направлении универсальных догматов мировых религий, прежде всего принципов и ценностей духовного спасения человека; усиление роли религиозной мобилизации различных конфессиональных групп, течений и движений христианской и мусульманской направленности в процессах самоорганизации африканского социума; растущее влияние на самосознание широких африканских масс собственно религиозной – христианской и исламской идентичностей. Масштабы и динамика изменений в условиях и содержании современного религиозного самоопределения африканских народов подтверждают вывод о происходящей на континенте религиозной революции, религиозном повороте Африки в сторону современного постсекулярного поворота.

Глубинной составляющей религиозного самоопределения африканских масс можно считать присутствие в определяющих его процессах факторов и тенденций цивилизационного развития: ориентация все большего числа людей на универсалистские идеалы мировых религий; существенное изменение на этой основе принципов и правил регуляции общественных отношений и поведения человека. Заслуживает внимания геокультурная направленность указанных тенденций – отторжение секулярных ценностей как стандарта западной цивилизации. В качестве цивилизационных составляющих подъема религиозного сознания в регионе

следует еще раз выделить фундаментальные религиозные догматы, определяющие отношение африканских христиан и мусульман к высшему и мирскому порядкам: догмат второго пришествия Христа – для основной массы христианского населения Африки, и вера в восстановление халифата, как золотого века исламского правления. На этой основе развивается цельное – теократическое религиозно-цивилизационное сознание, которое стремится и в мирских отношениях руководствоваться священными текстами своей религии. Развитию именно этого типа религиозно-цивилизационного сознания, особенно на его массовом уровне, способствует широкое распространение африканских странах харизматической набожности как противостоящей обыденной морали и рациональному мышлению формы религиозного самоопределения человека в ситуациях тяжелых жизненных и социокультурных кризисов.

В то же время цельность религиозного сознания приверженцев афро-христианства и фундаменталистского ислама становится потенциальным фактором возникновения и расширения в регионе религиозных конфликтов под лозунгами борьбы за истинную веру. В этой связи в дальнейшем анализе нуждается проблема развития форм африканской религиозной идентичности: факторы и направления их трансформации, возможности согласования, диалога в африканских странах между сакральными ценностями и установками христианских и исламских общностей.

Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ № 19–18–0054 «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений».

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Л.А. Христианская религиозность в Африке в начале XX века в цивилизационном аспекте // *Цивилизационные альтернативы Африки*. Т. I, ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016. С. 62–73.

Бергер П.Л. Введение. Культурная динамика глобализации // *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире*. Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 8–26.

Горохов С.А. Векторы развития конфессионального пространства Африки в эпоху глобализации // *Цивилизационные альтернативы Африки*. Т. I, ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016. С. 5–29.

Горохов С.А., Захаров И.А. Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX – начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии // *Цивилизационные альтернативы Африки*. Т. II. М.: ИАФР РАН, 2017. С. 113–128.

Ляужева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, политология, культурология*. 2009. Вып. 9. С. 195–198.

Мирзеханов В.С. Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М.: ИВИ РАН, 2001. 248 с.

Мирзеханов В.С. Религия, политика и поиски идентичности в постколониальном обществе (на материалах Черной Африки) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015, № 2. С. 14–20.

Мосейко А.Н. Мадагаскар. Особенности культурно-цивилизационного развития. М.: ИАФР РАН, 2018. 234 с.

Окот п'Битек. Африканские традиционные религии. Религии Африки в освещении западных и африканских ученых. М.: Наука, 1979. 221 с.

Религиозный опыт народов Тропической Африки: психологические и социокультурные аспекты. М.: ИАФР РАН, 2012. 268 с.

Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: ИАФР РАН, 2006. 304 с.

Саватеев А.Д. Исламский цивилизационный проект: суфийский вариант // *Цивилизационные альтернативы Африки*. Т. I, ч. 2. М.: ИАФР РАН, 2016. С. 74–114.

Степанова Е.А. Вера и толерантность // Религия в меняющемся мире. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 26–43.

Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука, 1986. 588 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 633 с.

Яковлев П.П. Столкновение или альянс цивилизаций? Новые вызовы международному сообществу // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М.: ИЛА РАН, 2010. 208 с.

Dozon J.-P., Augé M. La cause des prophètes: politique et religion en Afrique contemporaine, suivi de la leçon des prophètes par Marc Augé. Paris: Seuil, 1995. 300 p.

Idowu B. African Traditional Religion: A Definition. New York: Orbis Books, 1973. 228 p.

Gifford P. African Christianity: Its Public Role. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1998. 336 p.

Laburthe-Tolra P. La conversation au catholicisme en Afrique noire // *Afrique contemporaine*. 1996, no. 178, pp. 30–39.

Mbembe A. *Afriques indociles: christianisme, pouvoir et état en société postcoloniale*. Paris: Karthala, 1988. 222 p.

Ranger T.O. Religious Movements and Politics in Sub-saharan Africa // *African Studies Review*. 1986, No. 2, pp. 1–62.

Religion et modernité politique en Afrique noire. Paris: Karthala, 1993. 243 p.

Religion et transition démocratique en Afrique. Paris: Karthala, 1998. 181 p.

Taylor J.V., Lehman D. Christianity of the Copperbelt. L.: SCM Press, 1961. 308 p.

REFERENCES

Andreeva L.A. (2016) *Khristianskaya religioznost' v Afrike v nachale XX veka v tsivilizatsionnom aspekte* [Civilization Alternatives of Africa] in 2 vols., ed. by I.V. Sledzevski, vol. I, part 1, Moscow, Institute for African Studies of RAS, pp. 129–145. (In Russian).

Berger P.L. (2004) *Vvedenie. Kul'turnaya dinamika globalizatsii // Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire*

[Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World], transl. from English, Moscow, Aspekt Press, pp. 8–26. (In Russian).

Gorokhov S.A. (2016) *Vektory razvitiya konfessional'nogo prostranstva Afriki v ehpokhu globalizatsii* [Civilization Alternatives of Africa] in 2 vols., ed. by Igor V. Sledzevski, vol. I, part 1, Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 129–145. (In Russian).

Gorokhov S.A., Zakharov I.A. (2017) *Razvitie konfessional'nogo prostranstva Tropicheskoi Afriki v XX – nachale XXI veka.: khristianstvo, islam, ehnticheskie religii* [Civilization Alternatives of Africa] in 2 vols., ed. By Igor V. Sledzevski, vol. II, Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 129–145. (In Russian).

Lyausheva S.A., Nagoi A.A. (2009), *Religioznaya identichnost' v sovremennoi kul'ture* [Religious Identity in Modern Culture], Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, Political Science, Cultural Studies. Issue 2, pp. 195-198.

Mirzekhanov V.S. (2001) *Intellektualy, vlast' i obshchestvo v Chernoi Afrike* [Intellectuals, power and society in Black Africa], Moscow: Institute of General History of RAS, 248 p. (In Russian).

Mirzekhanov V.S. (2015) *Religiea, politika i poiski identichnosti v postkolonial'nom obshchestve (na materialakh Chernoi Afriki)* [Religion, Politics and the Search for Identity in Post-colonial Society (based on the materials of Black Africa)], Humanitarian Studies in Eastern Siberia and Far-Eastern Russia, No. 2, pp. 14-20.

Moseiko A.N. (2018) *Madagaskar. Osobennosti kul'turno-tsivilizatsionnogo razvitiya* [Madagascar. Features of Cultural and Civilizational Development], Moscow, Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences, p. 234. (In Russian).

Okot p'Bitek. (1979) *Afrikanskie traditsionnye religii. Religii Afriki v osveshchenii zapadnykh i afrikanskikh uchenykh* [African traditional religions in Western and African Scholarship], transl. from English, Moscow, Nauka, p. 221. (In Russian).

Religiozniy opyt narodov Tropicheskoi Afriki: psikhologicheskies i sotsiokul'turnye aspekty (2012) [Religious experience of the peoples of Tropical Africa: psychological and socio-cultural aspects], ed. by L.A. Andreeva, A.D. Savateev, Moscow, IAS RAS, p. 268. (In Russian).

Savateev A.D. (2006) *Islamskaya tsivilizatsiya v Tropicheskoi Afrike* [Islamic Civilization in Tropical Africa], Moscow, IAS RAS, p. 304. (In Russian).

Savateev A.D. (2016) *Islamskii tsivilizatsionnyi proekt: sufiiskii variant* [Civilization Alternatives of Africa] in 2 vols., ed. by I.V. Sledzevski, vol. I, part 1, Moscow, IAS RAS, pp. 74-114. (In Russian).

Stepanova E.A. (2012) *Vera i tolerantnost'* [Belief and Tolerance. Religion in the Changing World], ed. by M.M. Shakhnovich. St. Petersburg, SPbSU, 383 p. (In Russian).

Traditsionnye i sinkreticheskie religii Afriki (1986). [Traditional and Syncretic Religions of Africa], ed. by A.A. Gromyko, Moscow, IAS RAS, 588 p. (In Russian).

Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations], transl. from English, Moscow, AST Publ., 633 p. (In Russian).

Yakovlev P.P. (2010) *Stolknovenie ili al'yans civilizacij? Novy'e vy'zovy' mezhdunarodnomu soobshhestvu* [Collision or alliance of civilizations? New calls to the international community], Moscow, ILA RAS, pp. 19-42. (In Russian).

Dozon J.-P., Augé M. (1995) *La cause des prophètes: politique et religion en Afrique contemporaine*, suivi de la leçon des prophètes par Marc Augé. Paris, Seuil, 1995, 300 p.

Idowu, Bolaji (1973). *African Traditional Religion: A Definition*. New York, Orbis Books, 228 p.

Gifford P. (1998) *African Christianity: Its Public Role*. Bloomington, Indiana University Press, 336 p.

Laburthe-Tolra, Philippe (1996). La conversation au catholicisme en Afrique noire, *Afrique contemporaine*, 1996, No. 178, pp. 30-39.

Mbembe, Achille (1988). *Afriques indociles: christianisme, pouvoir et état en société postcoloniale*. Paris, Karthala, 222 p.

Ranger, Terence O. (1986). Religious Movements and Politics in Sub-saharan Africa, *African Studies Review*, No. 2, pp. 1-62.

Religion et modernité politique en Afrique noire (1998), ed. by J.-F. Bayart, Paris, Karthala, 1998, 181 p.

Religion et transition démocratique en Afrique (1998), ed. by François Constantin and Christian Coulon, Paris, Karthala, 1998, 343 p.

Taylor, John,V., Lehman, Dorothea (1961). *Christianity of the Copperbelt*, London, SCM Press, 308 p.

ОБ АВТОРАХ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «*Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.*», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «*Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)*». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

КОСАЧ Григорий Григорьевич – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «*Красный флаг над Ближним Востоком?*» (2001); «*Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы*» (2009); «*Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «*Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.*» (2013); «*Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.*» (2016).
E-mail: g.kosach@mail.ru

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).
E-mail: alsaraby@ivran.ru

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

СТЮАРТ Филип – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – д.и.н., профессор Кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ВА'ЭЗ Нафисе – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран).

E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

ABOUT AUTHORS

DRUGOV Aleksei Yurievich – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

KOSACH Grigory Grigoryevich – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

SARABIEV Aleksei Viktorovich – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valdai Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

SLEDZEVSKY Igor Vasilievich – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

STEWART Philip – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

VAEZ Nafiseh – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

YAKOVLEV Alexander Ivanovich – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ABSTRACTS

Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

Keywords: religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

Keywords: foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

Keywords: Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

Keywords: Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

Keywords: deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

Keywords: Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey

Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

Keywords: interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

Leonid B. Alaev. Was there a community? (Interview)

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

Leonid I. Medvedko. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

Veniamin V. Popov. Eurasian essence of the Russian civilization

Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

Ildar Kh. Minyazhetdinov. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

Sergey L. Kuzmin. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

Elena S. Lepekhova. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

Issue II (2018)

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

Alexander V. Demchenko. Clans in Gaza Strip Politics

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

Ildar Kh. Minyazhetdinov. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

Natalia A. Berenkova. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

Aida A. Simoniya. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

Vera D. Karateyeva. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

Ekaterina A. Zavidovskaia. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

Sergius L. Kuzmin. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

Issue I (2017)

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

Grigory G. Kosach. Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

Elena V. Dunaeva. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

Evgenia S. Yurlova. India. Castes in Politics

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith Relation Issues in Syria

Maria A. Pakhomova. Society, Religious Politics and Islam in China

Vladimir V. Orlov. “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

Abdullah Al-Ahmar (Syria). Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

Алаев Л.Б. А была ли община? (Интервью)

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

Медведко Л.И. Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

Попов В.В. Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А. Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

Лепехова Е.С. Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

Выпуск II (2018)

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

нить событий — канва идей

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

Симония А.А. К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

Каратеева В.Д. Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

Крупным планом

Завидовская Е.А. Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / из источников

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

Выпуск I (2017)

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Орлов В.В. «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Бектимирова Н.Н. Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

Симония А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).